

УДК 316.772.5:004.896

DOI 10.18799/26584956/2023/4/1664

Перверсия цифрового мира: этика ChatGPT в контексте психоанализа и социальной философии

Я.А. Сединин✉

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

✉ comsedinin@gmail.com

Аннотация

Актуальность: рассматривая широкое влияние на общество генеративного искусственного интеллекта, в частности ChatGPT, данная статья сосредотачивает внимание на недостаточно изученной теме – основанной на психоанализе этике искусственного интеллекта. Поскольку искусственный интеллект начинает формировать структуру человеческих взаимоотношений, исследование подчеркивает необходимость понимания этической сути возникающих отношений, опосредованных искусственным интеллектом. **Цель:** рассмотреть взаимодействие субъекта с искусственным интеллектом, которое первертирует субъекта в психоаналитическом смысле. Это очевидно в контексте позиционирования ChatGPT как другого, избавленного от «имени отца», что дает чат-боту доступ к ненормативной сфере символического. Таким образом, субъект получает возможность испытывать удовольствие от ошибок искусственного интеллекта, как если бы ошибки были совершены самим субъектом. Это приводит к ситуации «исключенного включения», характерной для структуры перверсии. **Методы:** методы, заимствованные из психоаналитической теории З. Фрейда и Ж. Лакана, представляющей новый взгляд на то, как искусственный интеллект, рассматриваемый в качестве другого, может изменить субъективность человека; общие философские методы, в частности герменевтический. **Результаты:** данная работа утверждает, что субъект вступает в «двойные» перверсионные отношения при взаимодействии с ChatGPT, с одной стороны, из-за близости искусственного интеллекта и лакановского концепта «нежити», избавленного от взаимодействия отношений «символическое–реальное», с другой – из-за получения субъектом удовольствия от ошибок искусственного интеллекта. Важным результатом является артикуляция аргумента относительно негативного влияния взаимодействия с искусственным интеллектом на творческий потенциал субъекта, что требует дальнейшей разработки проблемы воздействия искусственного интеллекта на человеческую психику и креативность. **Выводы:** признается незаменимая ценность ChatGPT как инструмента для отбора, компиляции и обработки данных в современном обществе. Тем не менее научное сообщество, особенно учёные в области гуманитарных наук, должно обратить особое внимание на психоаналитические перспективы изучения искусственного интеллекта, изложенные С. Жижеком, Н. Хомским, Д. Роузлем и М. Мерфи в их дискуссии 2023 г. Это подчеркивает важность анализа этических последствий искусственного интеллекта в отношении бессознательной работы и психики субъекта. Таким образом, данная статья представляет собой существенное дополнение к дискурсу об искусственном интеллекте в свете психоаналитической теории, особенно в контексте рефлексии последствий отношений между искусственным интеллектом и человеком.

Ключевые слова: ChatGPT, психоанализ, перверсия, искусственный интеллект, бессознательное.

Для цитирования: Сединин Я.А. Перверсия цифрового мира: этика ChatGPT в контексте психоанализа и социальной философии // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № 4 (51). – С. 73–86. DOI 10.18799/26584956/2023/4/1664.

UDC 316.772.5:004.896

DOI 10.18799/26584956/2023/4/1664

Perversion of the digital world: ethics of ChatGPT in the context of psychoanalysis and social philosophy

Ya.A. Sedinin✉

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉ comsedinin@gmail.com

Abstract

Relevance. Considering the broad influence of generative artificial intelligence, in particular ChatGPT, in society, this article explores an insufficiently studied topic – ethics of artificial intelligence based on psychoanalysis. As artificial intelligence begins to shape the structure of human relationships, the study emphasizes the need to understand the ethical essence of emerging relationships mediated by artificial intelligence. **Aim.** To examine the interaction of a subject with artificial intelligence, which holds the potential for perverse dynamics of the subject. This is obvious in the context of positioning ChatGPT as «another», spared from the «name of the Father», which gives the chatbot an access to a non-normative sphere of the symbolic. Thus, allowing the subject to enjoy the mistakes of artificial intelligence as if they were made by the subject himself. This leads to a situation of "excluded inclusion", characteristic of the perversion structure. **Methods.** The psychoanalytic theory of Z. Freud and J. Lacan, presenting a new perspective on how artificial intelligence, viewed as the «another», can change a person's subjectivity; general philosophical methods, in particular, hermeneutical. **Results.** The study asserts that the subject enters into a «double» perversion relationship when interacting with ChatGPT – on the one hand, due to the proximity of artificial intelligence and the Lacanian concept of «undead», freed from the interaction of symbolic-real relationships, on the other hand, due to the subject receiving pleasure from the mistakes of artificial intelligence. An important result of the study is the articulation of an argument regarding the negative impact of these perverted encounters on the creative potential of the subject, which requires further research on the influence of artificial intelligence on the human psyche and creativity. **Conclusions.** The study recognizes the irreplaceable value of ChatGPT as a tool for selection, compilation and processing of data in modern society. Nevertheless, the scientific community, especially researchers in the humanities, should pay special attention to psychoanalytic perspectives of artificial intelligence research outlined by S. Žižek, N. Chomsky, D. Rouselle and M. Murphy in their 2023 discussion. This highlights the importance of analyzing the ethical implications of artificial intelligence in relation to the unconscious work and the psyche of the subject. Thus, this article is a significant addition to the discourse on artificial intelligence in the light of psychoanalytic theory, especially in the context of understanding the consequences of the emerging relationship between artificial intelligence and humans.

Keywords: ChatGPT, psychoanalysis, perversion, artificial intelligence, unconscious.

For citation: Sedinin Ya.A. Perversion of the digital world: ethics of ChatGPT in the context of psychoanalysis and social philosophy. *Journal of wellbeing technologies*, 2023, no. 4 (51), pp. 73–86. DOI 10.18799/26584956/2023/4/1664.

Введение

В настоящий момент технологии генеративного искусственного интеллекта (системы GPT, в частности ChatGPT) активно развиваются. Внедрение искусственного интеллекта в различные сферы общества, например в образование, медицину, медиатехнологии и т. д., постепенно трансформирует социальность общества, создавая новые типы отношений между людьми, между людьми и ИИ. С исследовательской точки зрения, помимо изучения технических особенностей генеративного искусственного интеллекта, необходимо обратить вни-

мание на вопрос о сущности складывающихся отношений новой социальности. Большое количество актуальных публикаций в гуманитарной области по данному вопросу подталкивает к осмыслению этического разреза внедрения ИИ в область производственных отношений. Гуманитарные исследователи разрабатывают советы и концепции использования ИИ в области практической этики, регламентирующие адекватное и этичное взаимодействие с искусственным интеллектом. Однако сегодня практически нет публикаций по вопросу об этике общения с ИИ с точки зрения теории психоанализа. Психоаналитическая традиция З. Фрейда и Ж. Лакана могла бы показать принципиально иное измерение отношений субъекта и искусственного интеллекта, прежде всего в области этики «другого». Данный этический подход активно задействован в психоанализе и организуется вокруг вопроса о формировании субъекта посредством другого. Иными словами, этика психоанализа показывает, какое место другой занимает в вопросе создания структуры субъекта. Поскольку взаимодействие с искусственным интеллектом вышло на принципиально иной уровень, во многом благодаря появлению ChatGPT, необходимо показать, какие изменения происходят с субъективностью в процессе общения с «новым» другим – ChatGPT. Данная статья сосредотачивает исследовательское внимание вокруг вопроса о том, какие этические следствия несёт за собой активная эксплуатация ChatGPT, поскольку, по мнению автора, технологии генеративного искусственного интеллекта подталкивают субъекта к вступлению в перверсивные отношения с ИИ, что несёт за собой риск денорматизации дискурса субъекта, а также снижению творческого потенциала. Данную проблему можно описать следующим образом: «какие последствия для субъективности несёт коммуникация с ChatGPT?». Гипотезой в данной статье выступает тезис, высказанный в ходе дискуссии в 2023 г. между С. Жижеком [1], Н. Хомским [2], Д. Рузелем [3] и М. Мерфи [4], о перверсивной структуре ChatGPT.

Нео-нуар Ридли Скотта «Бегущий по лезвию», вышедший в 1981 г., являлся своеобразным апофеозом антиутопических настроений в жанре научной фантастики. Затрагивая главным образом острый антропологический вопрос «Что делает человека человеком?», попутно добавляя традиционный для своего творчества религиозный контекст, Р. Скотт конструирует мрачный образ андроидов, вытесненных за пределы социального пространства человека. Возвращаясь к картине «Бегущий по лезвию» спустя 40 лет, нужно поставить, возможно, тривиальный, но тем не менее необходимый вопрос. Почему андроиды во вселенной будущего именуются «репликантами»? Первоначальный ответ будет звучать весьма убедительно: поскольку андроиды являются копией человека, они подражают ему в поведении, эмоциях и мыслительной деятельности. Однако может ли такой ответ удовлетворить сообщество в 2023 г.? Критически подходя к современным системам искусственного интеллекта, а конкретнее – исследуя психологические последствия появления и активной эксплуатации в различных областях ChatGPT и его аналогов, термин «репликант» получает иное значение. Сформулировать смысл нового значения можно следующим образом: репликант не связан «генетически» с человеком – он копирует не человека или его эмоции, а дискурс и его содержание.

В отечественной академической среде на сегодняшний момент довольно мало публикаций, посвящённых осмыслению социальных последствий внедрения ChatGPT в повседневность субъекта. Ещё меньше материалов, рефлексирющих по поводу последствий для структуры субъективности акторов социального пространства. Основной тематикой исследований на данный момент является анализ последствий внедрения технологий искусственного интеллекта в образование. Зарубежные ученые, в основном европейские и американские, рассматривают проблемы применения искусственного интеллекта в более широком контексте, затрагивая вопросы этического характера, а также комплекс проблем применения в медицине, психологии, массмедиа и т. д. В исследовательской среде нет однозначного консенсуса по вопросу искусственного интеллекта. И дело не в том, что часть учёных выступает

в качестве неолуддитов. Можно сказать, что в отдельных областях жизни сообщества искусственный интеллект, в частности ChatGPT, имеет, с одной стороны, различную степень эффективности, с другой – разную этическую приемлемость.

Так, в статье «“Доктор ChatGPT”: является ли он надежным и полезным источником информации о распространенных ревматических заболеваниях?» [5] делается вывод о том, что диагностика ревматических заболеваний может быть осуществлена с помощью ChatGPT. Авторы провели статистический анализ информации, даваемой ИИ, на её адекватность и соответствие современному медицинскому консенсусу в этой области. Исходя из проведенного исследования, они высказали гипотетическую тенденцию дальнейшего обращения с ChatGPT: «Хотя до сих пор Google и YouTube были наиболее часто используемыми платформами для получения пациентами информации о заболеваниях, мы можем сказать, что ChatGPT скоро станет тенденцией в этой области» [5, с. 1347]. Схожее мнение высказывает коллектив авторов статьи «Настоящее и будущее ChatGPT и GPT в психиатрии» [6]. В области прикладного использования ИИ для минимализации затрат времени и ресурсов наблюдается инструментальный подход к ChatGPT, что оказывает влияние на конечную, часто позитивную, оценку применения ИИ. Более того, наблюдается явная надежда исследователей на возникновение в будущем «полностью автоматизированной системы психотерапии» [6], которая, следовательно, может повлиять на положение в системе разделения труда профессиональных психотерапевтов и психологов. Все дело в возможном появлении у ИИ механизмов эмпатии и возможности считывать эмоциональное состояние человека.

В контексте применения ChatGPT в академической сфере и сфере образования, относительно этики публикации, можно встретить критическое отношение к ChatGPT, которое, конечно, не сводится к его отрицанию или отказу от внедрения. Учёные постепенно стараются найти те практические советы в сфере этики, которые позволили бы избежать ухудшения качества научного дискурса и исследовательского текста, параллельно с тем, как государственный аппарат вырабатывает нормы правового регулирования новой сферы отношений человека и ИИ [7]. Критические замечания выдвигаются также по поводу влияния на публичную сферу, в частности на массмедиа, избирательный процесс и т. д. ИИ способен модерировать контент в СМИ, что выступает отчасти цензурой [8], при учёте того, что, например, ChatGPT принципиально занимает позицию «по ту сторону добра и зла». Радикализацией негативных последствий действий ИИ в сфере публичности оказывается их намеренное применение при распространении дезинформации, фейков и т. д. [8].

Таким образом, академические дискуссии вокруг ChatGPT можно разделить на несколько направлений: во-первых, этическая приемлемость и этические границы применения ИИ в той или иной сфере; во-вторых, оценка качества и приемлемости внедрения ИИ в процессе, где необходима оптимизация рутинных процессов; в-третьих, вопросы, связанные с внедрением в пространство медицины, психиатрии и психотерапии элементов ChatGPT для улучшения коммуникации и работы с пациентами; в-четвёртых, последствия влияния ChatGPT и иных систем ИИ на публичность.

ChatGPT и бессознательное

Однако весной 2023 г. в публичном пространстве возникла новая, по мнению автора, ценная социально-философская дискуссия по поводу ChatGPT. Целый ряд известных интеллектуалов, в числе которых С. Жижек, Н. Хомский, М. Мерфи и Д. Роузель, высказались об активной эксплуатации ИИ в повседневном существовании субъектов. Если большинство вышеописанных академических подходов к анализу функционирования ChatGPT, как уже отмечалось, исследуют скорее инструментально технологии GPT, предпочитая рассматривать явные онтические следствия взаимодействия ИИ и человека, то данная философско-критическая дискуссия выходит за рамки вопросов о нормативности использования ИИ, а

также практико-ориентированного рассмотрения. Общий тон был задан Д. Роузелем, назвавшим ChatGPT бессознательным, в условиях того, что «мы по-прежнему привязаны к нашим платформам, при это изолированы от пространства публичности» [3]. Современное социальное конструируется схожим с феодальной формацией образом [3]. Субъект обретает способ бытия в мире через платформы, но, пожалуй, самое важное – он привык осуществлять многие коммуникативные практики через платформы, что буквально интегрирует его в производство смыслов современного массмедиа и интернет-пространства. Помимо достаточно скромного участия в конструировании смыслов, но гораздо более активного и деятельного в потреблении воображаемых объектов желания, возникающих в пространстве платформ и социальных сетей, субъект попадает в поле фантазии, созданное функционированием капиталистического производства и идеологии. В подобных условиях возникает ChatGPT, своеобразная «матрица» фантазии, но более важно – чат-бот представляет собой концентрацию механизмов сбора и репликации дискурса. Можно сказать, что ChatGPT является универсальным способом взаимодействия вселенной означающего, вселенной языка с субъектом. Поскольку, как отметил Д. Роуэль, субъект привязан к платформам, которые формирует его объекты желания [3], ChatGPT становится внешним механизмом по производству фантазии.

С. Жижек добавляет вслед за Д. Роузелем и М. Мерфи, что, являясь внешней «машиной» по производству фантазии, ChatGPT лишён ключевого элемента для превращения в новый универсальный инструмент наподобие языковой структуры – ChatGPT исключён из контекста [1]. Тем не менее речь не идёт о контексте конкретной коммуникации в чате. Как раз наоборот: конкурентное преимущество данного ИИ заключается в возможности апелляции к вопросу и уточнениям пользователя. Критики «слева» имеют ввиду контекст как таковой, что в психоанализе Ж. Лакана обозначается понятиями «метафора отца», «кастрация» и «имя отца». Всякий субъект языка, прежде чем войти в пространства операций с означающими, должен интериоризировать порядок языка как таковой, что возможно благодаря функционированию «имени отца», точки, в которой всякое означающее получает определенное место в системе языка. Иными словами, «имя отца» – это господствующий в языке дискурс, универсальный контекст, позволяющий различать между собой означающие и создавать смысл. В связи с этим становится понятным столь резкое неприятие Н. Хомским достижений технологий ChatGPT: «По этой причине прогнозы систем машинного обучения всегда будут поверхностными и сомнительными. Поскольку эти программы не могут объяснить, например, правила английского синтаксиса» [2]. ChatGPT является, действительно, прекрасным инструментом по репликации информации, обобщению и переработке огромного массива дискурса, однако образовывать смысл он совершенно не в состоянии.

Возникает ситуация нескончаемых ошибок и оговорок со стороны искусственного интеллекта, на которую часто указывают участники дискуссии и с которой в целом согласны многие исследователи ChatGPT, хотя, как упоминалось, ряд учёных уже сейчас готовы использовать ИИ в медицинских целях, хотя бы на «вторых ролях». Данная ситуация не является новой для гуманитарной науки. Она вполне укладывается в логику инструментализации разума, отмеченной Т. Адорно и М. Хоркхаймером. Опасность здесь, однако, представляет не инструментализация как таковая (поздний капитализм на ней во многом основан [9, с. 69–70]), а этический момент. При этом речь не идёт об этике прикладной, например научной. Уже сейчас академическая наука и высшее образование разрабатывают своё отношение к пользованию ChatGPT [10]. Н. Хомский озвучивает достаточно жёсткий аргумент против восторженной позиции об универсальности применения искусственного интеллекта, называя этическую позицию ChatGPT «банальностью зла» [2]. Ввиду того, что чат-бот намеренно запрограммирован избегать моральных оценок поступков и даже гипотетических ситуаций, чтобы не обидеть пользователя и не вызвать шквал критики, он отвечает на вопрос о

своей этической позиции как о позиции вне этики в принципе. Это создаёт опасную область потенциальной моральной безответственности, которая описывается М. Мерфи [4]. Чат-бот становится опасным прецедентом неприятия моральной ответственности за высказывания, которые он воспроизводит. Ситуация может выглядеть следующим образом: иногда, совершая явную фактологическую ошибку или выдавая этическую неприемлемую фразу (которая также может быть проинтерпретирована как ошибка), искусственный интеллект может позволить себе написать что-либо непристойное, сексистское, расистское или просто что-то глупое. Реакция субъекта последует незамедлительно. В рамках принципа удовольствия субъект может насладиться тем, что непристойность или глупость были озвучены самим ChatGPT, внешней машиной, но никак не субъектом: «Он обобщает распространенные аргументы в литературе своего рода супер-автозаполнением, отказывается занимать какую-либо позицию, ссылаясь не только на невежество, но и на отсутствие интеллекта и, в конечном счете, предлагает «просто следовать приказам», перекладывая ответственность на своих создателей» [2].

Ошибки, оговорки и ненормативная речь ChatGPT

Аморальность ChatGPT распространяется на коммуникативные отношения с субъектом, в ходе которых субъект испытывает удовольствие и наслаждение от ошибок и оговорок универсальной машины означающих. З. Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» отмечал, что действие различных острот, в том числе высказываний, отмеченных долей бессмыслицы, организует речь субъекта согласно логике удовольствия. Инстанция цензуры, представленная Сверх-Я, структурирует речь субъекта, создаёт определенные нормы, согласно которым организуется публичная речь. Иными словами, господствующие в сообществе нормы коммуникации и социально приемлемые формы высказывания являются нормативными образами, которые выстраивают речь субъекта. В ходе артикуляции шутки или бессмыслицы удовольствие извлекается из факта преодоления задержки между нормативным по форме высказыванием и преобразованием этой формы с помощью той или иной техники остроты [11]. Языковыми средствами, через процессы сгущения и смещения, аналогами которых являются метафора, метонимия, замена слов или частей слова и т. д., механизм цензуры речи и задержка ненормативного материала преодолевается, что и позволяет субъекту извлечь удовольствие. В процессе коммуникации с ChatGPT субъект сталкиваемся с фрейдовским механизмом реализации остроты в форме бессмысленного высказывания. Когда чат-бот, допустим, в ответ на адекватно сформулированный вопрос из философской области начинает придумывать несуществующих философов, путать информацию о концептах и философских системах, невольно возникает улыбка, поскольку строго сформулированный вопрос предполагает не менее строгий ответ. Однако субъект наталкивается на банальную бессмыслицу со стороны ИИ, который логике функционирования языка не подвержен. ChatGPT формулирует высказывания, как уже отмечалось, без возможности их соотнесения с контекстом языка, чего повседневный пользователь может не замечать. Точно так же, как и в случае с функционированием острот [11, с. 165], пользователь наслаждается обходом цензурирующей инстанции, что наталкивает его на мысль не столько о несовершенстве искусственного интеллекта, сколько об области потенциально ненормативной речи. Эта область речи и высказываний теперь не является источником удовольствия от ошибок чат-бота, вернее она таковой остается, но данная область открывает окно возможностей для высказываний, лишенных ответственности. Это означает, что речь претерпевает изменения в публичной сфере, которая целиком и полностью опирается на специфически организованную систему правил и норм высказываний. Если субъект обычно ограничен в области высказываний двумя элементами: во-первых, психической инстанцией Сверх-Я, и, во-вторых, организованной с помощью Другого символической системой, то ChatGPT лишён внутренней цен-

зуры со стороны Сверх-Я по очевидным причинам отсутствия у него области психического, но также для него не работают внешние правила символической системы образования смысла, поскольку «имя отца», как основополагающий закон организации языка, на него также не распространяется. Специфика такой ситуации заключается в том, что субъект может эффективно использовать искусственный интеллект в качестве инструмента выхода за рамки существующего дискурса. С одной стороны, в этом нет принципиальной проблемы, поскольку выход за границы общепринятого дискурса распространяется на конкретную коммуникацию в чате. С другой стороны, на теоретическом уровне возникает достаточно сложная ситуация описания того, что именно происходит при попытках субъекта «выйти» за границы дискурса при общении с ChatGPT.

ChatGPT – это «нежить»?

Искусственный интеллект лишён «привязки» к символической системе, поскольку у него отсутствует универсальный языковой контекст. Это можно назвать существованием «по ту сторону» оппозиции символическое–реальное, как об этом пишет Л. Кьеца в работе «Субъективность и инаковость»: «Если символическое является символическим лишь постольку, поскольку существует реальное-в-символическом, а реальное реально лишь постольку, поскольку оно является реальным-в-символическом, то как же мы должны понимать то, что лежит вне взаимопроникновения этих двух порядков?» [12, с. 225]. Реальное в терминологии Ж. Лакана представляется тем, что невозможно символизировать, что невозможно выразить в рамках дискурса, но что тем не менее существует как некое дополнение символического. Различные коммуникативные неудачи, невозможность всегда выразить именно то, что субъект сознательно мыслит (в связи с работой бессознательной сцены), свидетельствует о нехватке в символическом, о различных разрывах символического пространства. Психоанализ полагает, что нехватка, свойственная символическому и выраженная в коммуникативных «неудачах» (двусмысленности, оговорки, «провалы» коммуникации), вызвана существованием реального. Л. Кьеца актуализировал понятие Ж. Лакана «нежить» как то, что существует вне оппозиции символическое–реальное («нежить» далее будет обозначаться $\mathbb{R}$). $\mathbb{R}$ – это замкнутый на себе мир, своеобразное «ничто», за границей символической вселенной, например животный мир, зацикленный на природной среде. Животный мир сам по себе находится вне истории, поскольку животное «всегда уже мертво с точки зрения индивида и бессмертно с точки зрения вида и природы» [12, с. 225]. В этом смысле $\mathbb{R}$ отлично подходит для описания существования вне взаимоотношений символическое–реальное. $\mathbb{R}$ является реальным самим по себе, не интегрированным в символическую систему особым миром.

Есть ли основания называть ChatGPT неким новым видом $\mathbb{R}$? С одной стороны, чат-бот находится вне символических отношений, хотя и пользуется человеческим языком. Для того чтобы быть говорящим существом, недостаточно артикулировать означающие [13]. Прежде чем войти в универсум языка и речи, необходима процедура интериоризации отцовского закона: «Что такое символическая связь? Чтобы расставить все точки над i , обозначим ее следующим образом: это то, что социально мы определяем себя посредством закона» [14, с. 184]. Для ChatGPT подобного закона, как и «имя отца», не существует, что не отменяет ряд ограничений чат-бота со стороны его программного кода. Код очерчивает ChatGPT-область возможных означающих, которые он может использовать для ответа на тот или иной вопрос субъекта. Иными словами, в случае с ИИ человек сталкиваемся с некоторыми внешними ограничениями, налагаемыми на набор возможных означающих цепей, но не с ограничениями ненормативного применения имеющихся означающих. Вхождение в символическую вселенную программный код ChatGPT не предполагает. Это подводит к мысли о зацикленности ИИ на самом себе в том смысле, что ChatGPT опирается на систему генеративного искусственного интеллекта по поиску, репликации информации, представляющего собой

программный код. Можно назвать мир, в котором существует ChatGPT, своеобразным иным «природным миром», который является «надстройкой» по отношению к человеческому миру символов и смыслов. Таким пространством можно назвать цифровой мир. ChatGPT всё же зависим от символических связей, поскольку применяет языковые средства для выполнения своих задач. В этом смысле чат-бот функционирует в качестве инструмента компиляции, подбора, поиска информации и т. д. Подобное двойное положение искусственного интеллекта всё же не позволяет назвать его «нежитью», хотя некоторые концептуальные пересечения присутствуют.

Перверсия искусственного интеллекта

Более перспективная гипотеза об онтологическом статусе ChatGPT – высказанный С. Жижекком тезис о перверсивной основе чат-бота [1]. Перверсия, как принято считать в медико-психологическом дискурсе ориентировочно с конца XIX столетия, является извращением, отклонением от нормативной структуры поведения субъекта. Чаще всего исследуется вопрос о сексуальных перверсиях: гомосексуализм, фетишизация сексуальных объектов [15], садистские наклонности в сексуальной жизни и т. д. Хотя феномен перверсий не исчерпывается лишь сексуальным разрезом данной проблематики (например, психоаналитики выделяют нарциссическую перверсию [16], имеющую лишь отдаленное соприкосновение с сексуальной областью), в рамках анализа именно сексуальные перверсии являются наиболее удобными для анализа структуры извращения.

Изучение феномена перверсии всегда связано с вопросами этического характера и нормативности, поскольку если перверсией считается отклонение от нормативности поведения в сексуальной жизни, то автоматически возникает дискуссия о нормах и образцах поведения. Значительный вклад в изучение феноменов властного подавления различных ненормативных форм действия субъекта внёс М. Фуко, разработав концепцию «дисциплинарного общества». Тюрьма, с одной стороны, как образ общественного целого, с другой – как механизм обращения с телами «образовалась вне судебного аппарата, когда по всему телу общества распространились процедуры, направленные на распределение индивидов, их закрепление в пространстве, классификацию, извлечение из них максимума времени и сил, муштру тел, регламентацию всего их поведения, содержание их в полной видимости, окружение их аппаратом наблюдения, регистрации и оценки, а также на создание накапливаемого и централизованного знания о них» [17]. Механизмы дисциплинарного общества можно описать в виде двойной властной практики: надзор и контроль за субъектом и, что более важно, регуляция и регламентация пространства тела. Перверсия с данной точки зрения выступает вторжением в мир нормативности власти. Следовательно, необходимо рассматривать перверсию в качестве ненормальности. Тем не менее отношения перверсии и нормативности представляются более сложными и составными, поскольку, как указывал Ж. Лакан, закон и его нарушение – это два взаимодополняющие друг друга элемента: «Диалектика отношений между желанием и Законом такова, что желание вспыхивает в нас только в связи с Законом... Нам предстоит исследовать то, что человеческое существо оказалось способным в течение столетий выработать чтобы Закон этот преступить, чтобы установить со своим желанием отношения, которые преодолевали бы этот связующий их запрет...» [18, с. 111–112]. Иными словами, без нарушения закона, без определенных трансгрессивных практик субъекта, существование закона невозможно. З. Фрейд в работе «Тотем и табу», описывая мифическое состояние первобытной орды, показал, что возникновение закона, формирование тотема, иначе говоря, появление социальной нормы, связано с фундаментальным нарушением [11, с. 455–456]. Закону всегда предшествует убитый отец.

Однако рассматривать перверсию лишь с точки зрения отклонения от нормы теоретически неверно. Перверсия является отклонением от нормы в различных дисциплинарных дискур-

сах, поскольку в представлении власти она обладает возможностью уничтожения устоявшегося нормативного порядка. Перверсия в трактовке властного дискурса означает «взламывание» существующего порядка, который позволяет первертированному субъекту достигнуть, хоть и своеобразной, но всё же автономии от властных инстанций. С критической точки зрения перверсия будет рассматриваться в качестве способа преодоления отчуждения со стороны власти [19]. Тем не менее, следуя логике критического рассмотрения власти, представляем перверсию в качестве особой этической позиции субъекта. Если перверсия связана с этической проблематикой. Иначе говоря, если демонстрация отклонения от нормы является подрывающим эту норму элементом, которая считается извращением, то: «Такой взгляд может поставить под сомнение фактическое существование извращения, как воплощенной сущности или структуры, вне институционализированных, доминирующих процедур производства истины, но он по определению не исключает возможности извращения как такового, как диссидентской, революционной сексуальной силы» [20]. Структура перверсии, однако, связана с этикой не только относительно отклонения от нормы, но относительно экзистенциального вопроса обращения с другим. Зачастую предполагается, что объект в перверсии становится вещью, что предполагает в случае сексуальной перверсии «овеществление» другого. Перверт действует таким образом, будто другой для него – определенное средство наслаждения, средство реализации желания перверта без какой-либо «компенсации»: «Перверты – неважно, мужчины или женщины, – как бы ставят себя на место другого, но только того, кто открывается сам, и только до тех пор, пока им открывается. Как только жертва распознает их намерения, перверты ретируются» [16]. В ситуации отношений с нарциссическим первертом другой становится объектом манипуляции, что в глазах первертированного субъекта его «де-субъективирует».

С. Бенвинито, по замечанию Э. Либер [21], в рамках психоаналитических подходов к изучению перверсии сам отчасти совершает извращенный шаг, переворачивающий традиционную в психоанализе схему отношений перверта и другого. Перверсия предполагает, что «субъективность другого является важным компонентом перверсивного акта» [22, с. 57]. Иными словами, в перверсии человек сталкивается с субъект-субъектными отношениями, что несколько переформулирует этический вопрос о перверсивности, поскольку теперь нет нужды рассматривать перверсию в качестве изначально порочных, аморальных и неприемлемых отношений перверта и «вещи». Необходимо сказать, что перед первертом возникает вопрос «Почему другой не наслаждается тем способом, которым наслаждаюсь я?». Данный вопрос оказывается ключевым в контексте любых человеческих отношений, поскольку, по замечанию З. Фрейда, человеческая сексуальность изначально извращена, отклонена от нормальной цели репродуктивного характера. Возможно, стоит выдвинуть радикальный тезис о том, что именно первересивный характер человеческой сексуальности становится антропологическим критерием отделения человека от животного, поскольку подобного отклонения у животных не присутствует. Более того, животные сами могут становиться объектом сексуальной перверсии человека [23]. Характер отклонения от «нормальной» цели сексуального акта, отклонение от «нормальных» средств получения сексуального удовольствия сопровождают субъекта в интимном взаимодействии с другим, чего не наблюдается у животных. Механизм перверсии в этом свете, действительно, возможно рассматривать в качестве антропологического критерия.

Вопрос «Почему другой не наслаждается тем способом, которым наслаждаюсь я?» является ключевым при рассмотрении первертивной структуры. Он также подсвечивает расщепление субъекта перверсии, о котором пишет С. Бенвинито [22]. По сути, «раскалывается» сам вопрос, при этом создаются два различных такта знания: во-первых, знания, которое необходимо для наслаждения; во-вторых, скрытое, вытесненное знание. Например, в случае садистской перверсии субъект не знает о том, что жертва, которую он выбрал для воплощения фан-

тазии, на самом деле не является виновной в чём-либо. Однако в его фантазии жертва всегда уже «перегружена» знанием, необходимым для наслаждения, знанием того, что жертва перверта виновна априори, что выражается в жестоких и насильственных действиях садиста [22]. Расщепление вопроса о «не-наслаждении» другого на два такта знания создаёт пространство для возникновения ситуации исключенности перверта из наслаждения другого. Знание, которое способствует наслаждению, является продуктом фантазии, если не фантазией в чистом виде. Оно необходимо для получения наслаждения и, более того, в качестве фантазии оно выступает своеобразным экраном против вытесненного знания. Анализ фетишизма, произведенный З. Фрейдом [15], показывает, что возникновению фетиша, связанного с одеждой женщины, мужской субъект обязан желанию непременно представить женщину в качестве обладающей фаллическим [15]. Фетиш в качестве экрана организует возможность получения наслаждения от сексуального акта или наслаждение эстетического характера. Тем не менее выход за границы фетиша или осознание его «случайного» характера, как и в ситуации перверсии, влечёт за собой исключение из желания другого: «Я не являюсь ни источником желания, ни удовольствия для другого, которого я люблю» [22, с. 71]. Структура перверсии удаляет субъекта от наслаждения и желания другого, субъект исключён, но именно данная исключенность позволяет ему получить собственное наслаждение. Невозможность почувствовать наслаждение другого включает субъекта в первертивный акт, что в свою очередь заставляет его испытывать удовольствие.

Не испытывает ли субъект схожих с первертом чувств при использовании новейшего генеративного искусственного интеллекта? Ранее подчёркивалась своеобразная моральная безответственность субъекта за высказывания чат-бота, которая выражается во фразе «Это был не я! Это был мой ИИ!» [1]. Субъект получает определенное удовлетворение не самим фактом ошибки со стороны чат-бота, а тем фактом, что, будучи исключённым из высказывания, поскольку оно производится искусственным интеллектом, субъект включается в ситуацию присвоения наслаждения от ошибки. Подобно перверту, который подглядывает за сексуальным актом, являясь исключённым из него, он всё же включается в него. Современный субъект напрямую не может отождествить себя с ошибкой или ненормативным высказыванием ChatGPT, однако он может наслаждаться ей, как будто он совершил ошибку самостоятельно. Здесь прослеживается расщепление вопроса о ненаслаждении, порождающего знание-наслаждение (фантазию) и вытесненное знание. Вытесненным, напрямую не доступным субъекту знанием здесь выступает знание о том, что субъект наслаждается высказыванием ChatGPT как своим собственным.

С. Жижек указывает, что «именно извращение (или *père-version*, «версия отца», как выразился Лакан), а не психотическая изоляция, характеризует ИИ» [1]. Однако тезис в том, что помимо извращенной позиции самого чат-бота субъект также попадает в отношения перверсивного характера. Таким образом, происходит своеобразное «удвоение» структуры извращения. Возможно, тезис Н. Хомского о «банальности зла», которая сопровождает любой этический вопрос, адресованный ChatGPT, является нерелевантным? Дело не в том, что чат-бот не способен ответить на этическую дилемму или высказаться на острую социально-политическую тему по причине собственной исключенности из дискурса «политкорректности» и «толерантности», а в том, что субъект, общаясь с ChatGPT, с его помощью может присвоить себе наслаждение от ошибки, неточности или ненормативного высказывания. Этический вопрос об использовании ChatGPT формулируется теперь в принципиально другой плоскости – этично ли применять генеративный искусственный интеллект, если он позволяет мне испытывать наслаждение, источником которого являюсь не я? Более того, этично ли рассматривать такое наслаждение с учётом того, что ChatGPT не обременён, в отличие от субъекта, законом организации речи и языка («имя отца»), что позволяет ИИ формулировать высказывания, принципиально не входящие в нормативные структуры (правовые, мораль-

ные, демократические и т. д.)? Ведь если положительно отвечать на последний вопрос, то современный субъект потенциально присваивает себе изначально извращенное наслаждение. Не подвергается ли в ходе извлечения извращенного наслаждения репрессии творческий потенциал человека?

Важнейшим обстоятельством творчества и вообще интеллектуальной деятельности является работа бессознательного. В исследовании З. Фрейда об остроумии удовольствие от остроты рождается входе преодоления пути сознание–бессознательное–сознание. Комбинация означающих, выраженная в дискурсе, подвергается бессознательной обработке, что после возвращения в сознание и даёт эффект удовольствия. Бессознательное является важной инстанцией в образовании остроумных фраз, шуток и т. д., но оно также способствует инсайту, внезапному открытию: «В работе “Толкование сновидений” Фрейд дает понять, что праздное время, предшествует творческим открытиям, спонтанным, на первый взгляд, “находкам”, которые приходят к нам независимо от сознательных процессов подсчета и рассуждений, – это время бессознательного мышления» [24, с. 133]. Творческий потенциал мышления раскрывается, в том числе, благодаря бессознательному. Но что происходит с бессознательным мышлением при использовании ChatGPT? Дело ведь не в том, что определенные авторы, даже академические учёные, пишут научные статьи с помощью искусственного интеллекта, а затем претендуют на оригинальность и отстаивают своё авторское право. Тем более, по мнению автора, проблема не заключается в том, что студенты во время написания курсовых и дипломных работ могут «неэтично» эксплуатировать потенциал ChatGPT. Ситуация выходит за пределы научной этики и этики публикаций, поскольку ChatGPT ставит под вопрос возможности творческого потенциала бессознательного. Перверсивные отношения искусственного интеллекта и субъекта накладывают на субъекта ограничения в использовании бессознательной сцены. Субъективный фокус внимания перемещается на извлечения перверсивного наслаждения ИИ, исчезает работа собственного бессознательного субъекта. Более того, эффект от высказывания чат-бота, будучи отмеченным перверсивным характером, репрессирует бессознательное [1]. С. Жижек, анализируя кейс перверта из кинопроизведения Д. Линча, отмечает, в перверсии фантазия фактически не поддаётся адекватной интерпретации, поскольку она «исполнена чисто символическим порядком, знаковая игра в ней идёт своим чередом» [25, с. 129]. Подвергаясь воздействию извращённого порядка свободной знаковой игры, субъект отказывается от бессознательного в пользу вселенной извращения, невероятно захватывающей, но не имеющей ничего общего с символическим порядком различных дискурсов.

Не об этом ли говорит Д. Вильнёв в фильме «Бегущий по лезвию 2049?», когда герой Райана Гослинга вступает в сексуальный контакт с девушкой? Главный герой «Кей» в ходе сюжетного повествования сталкивается с незнакомой девушкой, которая предлагает ему интимную близость. И когда наступает момент для начала сексуального акта, «Кей» использует искусственный интеллект, подключенный у него в квартире для того, чтобы с помощью голограммы заменить тело девушки на образ другой. При просмотре этой сцены испытываешь устойчивое чувство извращения, поскольку доступ к бессознательному главного героя фактически закрывается фантазматическим образом, который предлагает ему искусственный интеллект.

Можно предположить, что «Кей» пользуется искусственным интеллектом подобным образом, поскольку он является субъектом, следовательно, для его сексуальности необходим элемент в виде фантазии, некоторого структурированного образа девушки, которая вызывала бы в нём сексуальное наслаждение. В духе Люблянкой школы психоанализа можно сказать, что этим актом «Кей» уклоняется от травмирующего реального сексуальных отношений. Однако это не так, поскольку фантазия в качестве определенного дополнения к отношениям субъекта и другого структурирует сами эти отношения. Это означает, что выбор, который

совершает главный герой, соглашаясь на интимную близость с девушкой, также структурируется его фантазией. Но в ответственный момент близости он решает «дополнить» фантазию искусственным интеллектом, отклоняясь от наслаждения другого субъекта, заменяя участие в наслаждении другого отношениями извращения с искусственным интеллектом, наслаждаясь включением в отношения с девушкой «третьего» в виде искусственного интеллекта, тем самым закрывая доступ в собственное бессознательное. В этих извращенных отношениях бессознательное оказывается «за бортом», поскольку оно заменяется внешней искусственной машиной – ИИ. Бессознательное знание, организующее сексуальное желание главного героя исключается отношением с искусственным интеллектом.

Заключение

ChatGPT является перверсивным элементом новой социальности общества. Субъект, вступая в связь с ChatGPT, способен извлекать от общения с ним наслаждение перверсивного характера. Это возможно по нескольким причинам: во-первых, генеративный искусственный интеллект избавлен от структурирующей язык и речь инстанции «имени отца», что потенциально даёт ему доступ к ненормативному пространству символического; во-вторых, ChatGPT даёт возможность субъекту насладиться ошибкой чат-бота, которая не просто вызывает удовольствие в смысле острот, о технике которой писал З. Фрейд, но субъект способен присвоить себе наслаждение от ошибки ИИ, словно эту ошибку совершил сам субъект. Таким образом, современный субъект попадает в ситуацию «исключенного включения», которая характерна для структуры перверсии. Также было выделено, что при коммуникации с ChatGPT субъект попадает в двойные перверсивные отношения: в первый раз субъект сталкивается с перверсией, используя ChatGPT, поскольку искусственный интеллект избавлен от «имени отца» и находится «по ту сторону» отношений реальное–символическое, что сближает его с лакановским понятием «нежить». Во второй раз отношения перверсии воспроизводятся в рамках присвоения наслаждения от ошибки ChatGPT. Необходимо отметить, что ChatGPT является новейшим инструментом по подбору, компиляции и переработке огромного массива данных. Его использование так или иначе будет в обществе в ближайшей перспективе востребовано. Тем не менее сообществу, в частности исследователям в гуманитарной сфере, необходимо обратить пристальное внимание на дискуссию, о которой отмечено выше (между С. Жижекком, Н. Хомским, Д. Роузлем и М. Мерфи), поскольку она позволяет взглянуть на этический разрез ChatGPT в перспективе работы бессознательного и психике субъекта. Также перверсивная основа ChatGPT должна быть дополнительно исследована в контексте последствий для психики субъекта и творческого потенциала человека, что было продемонстрировано через выдвижение тезиса о возможном снижении творческого потенциала из-за невозможности в полной мере использовать бессознательное субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zizek S. ChatGPT sagt das, was unser Unbewusstes radikal verdrängt // Berliner Zeitung. Berlin, 2023. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur-vergnuegen/slavoj-zizek-chatgpt-sagt-das-was-unser-unbewusstes-radikal-verdraengt-li.335938> (дата обращения 04.10.2023).
2. Chomsky N. The false promise of ChatGPT // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html> (дата обращения 03.10.2023).
3. Rouselle D. Escaping the meta-verse, or “forgiveness for the artificially intelligent?” // Sublation Magazine URL: <https://www.sublationmag.com/post/escaping-the-meta-verse?fbclid=IwAR0yMYyuKVqy2qCaR7MpqXsx9jN8FtYOxqg2Yw1aeHtKX6znr1xnVDbS4FY> (дата обращения 02.10.2023).
4. Murphy M.G. E-scaping responsibility and enjoyment through ChatGPT: a new unconscious? // Sublation Magazine. URL: <https://www.sublationmag.com/post/chatgpt-a-new-unconscious> (дата обращения 02.10.2023).
5. Uz C., Umay E. “Dr ChatGPT”: is it a reliable and useful source for common rheumatic diseases? // Rheumatic Diseases. – 2023. – V. 26. – № 7. – P. 1343–1349.

6. The now and future of ChatGPT and GPT in psychiatry / S.-W. Cheng, C.-W. Chang, W.-J. Chang, H.-W. Wang, Chih-Sung Liang, Taishiro Kishimoto, J. Pei-Chen Chang, J.S. Kuo, Kuan-Pin Su // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. – 2023. – V. 77. – Iss. 11. – P. 592–596. DOI: <https://doi.org/10.1111/pcn.13588>.
7. Rahimi F., Abadi A. ChatGPT and publication ethics // *Archives of Medical Research*. – 2023. – V. 54. – № 3. – P. 272–274.
8. Ferrara E. Social bot detection in the age of ChatGPT: challenges and opportunities // *First Monday*. – 2023. – V. 28. – № 6. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v28i6.13185>.
9. Паркер И., Павон-Куэльяр Д. Психоанализ и революция: критическая психология для освободительных движений – М.: Горизонталь, 2021. – 194 с.
10. Сысоев П.В., Филатов Е.М. CHATGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? // *Вестник ТГУ*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-v-issledovatel'skoy-rabote-studentov-zapreshchat-ili-obuchat> (дата обращения 04.10.2023).
11. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – М.: АСТ, 2006. – 480 с.
12. Лоренцо К. Субъективность и инаковость. – СПб.: Скифия-принт, 2021. – 365 с.
13. Лоренцо К. Желание и наслаждение. – СПб.: Скифия-принт, 2021. – 388 с.
14. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинары: Книга I (1953–54)). – М.: Гнозис: Логос, 2009. – 432 с.
15. Фрейд З. Фетишизм // *Международный институт глубинной психологии*. URL: <https://migp.pa.org.ua/statizigmund-frejd-fetisizm> (дата обращения 05.10.2023).
16. Racamier PC. On narcissistic perversion // *International Journal of Psychoanalysis*. – 2014. – Vol. 95. – № 1. – P. 119–132.
17. Фуко М. Надзирать и наказывать Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 383 с.
18. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959–60)). – М.: Гнозис, Логос, 2006. – 416 с.
19. Рохманинова М. Власть и тело. – М.: Радикальная теория и практика, 2020. – 456 с.
20. Nobus D. Locating perversion, dislocating psychoanalysis // *International Journal of Psychoanalysis*. – 2017. – V. 3. – № 1. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/locating-perversion-dislocating-psychoanalysis/#block-1> (дата обращения 05.10.2023).
21. Lieber E. What are Perversions? // *International Journal of Psychoanalysis*. – 2017. – V. 3. – № 1. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/what-are-perversions-emma-lieber/> (дата обращения 05.10.2023).
22. Бенвенуто С. Перверсии. Сексуальность, этика, психоанализ. – СПб.: Скифия-принт, 2016. – 281 с.
23. Roudinesco E. Some facets of perversion // *International Journal of Psychoanalysis*. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/some-facets-of-perversion/#block-1> (дата обращения 05.10.2023).
24. Кель М.Р. Время и собака. Депрессии современности. – М.: Горизонталь, 2021. – 370 с.
25. Жижек С. Искусство смешного возвышенного. О фильме Дэвида Линча «Шоссе в никуда». – М.: Европа, 2011. – 168 с.

Информация об авторах

Сединин Ярослав Алексеевич, магистрант, факультет психологии, кафедра общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. comsedinin@gmail.com; шифр специальности ВАК: 09.00.11.

Поступила в редакцию: 22.10.2023

Поступила после рецензирования: 28.11.2023

Принята к публикации: 28.12.2023

REFERENCE

1. Zizek S. ChatGPT sagt das, was unser Unbewusstes radikal verdrängt [ChatGPT says what our unconscious radically represses]. *Berliner Zeitung*. Berlin, 2023. Available at: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur-vergnuegen/slavo-j-zizek-chatgpt-sagt-das-was-unser-unbewusstes-radikal-verdraengt-li.335938> (accessed 4 October 2023).
2. Chomsky N. The False Promise of ChatGPT. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html> (accessed 3 October 2023).
3. Rouselle D. Escaping the meta-verse, or “forgiveness for the artificially intelligent?” *Sublation Magazine*. Available at: <https://www.sublationmag.com/post/escaping-the-meta-verse?fbclid=IwAR0yMYyuKVqy2qCaR7MpqXsx9jN8FtY0xqg2Yw1aeHtKX6znr1xnVDbS4FY> (accessed 2 October 2023).
4. Murphy M.G. E-scaping responsibility and enjoyment through ChatGPT: a new unconscious? *Sublation Magazine*. Available at: <https://www.sublationmag.com/post/chatgpt-a-new-unconscious> (accessed 2 October 2023).

5. Uz C., Umay E. "Dr ChatGPT": is it a reliable and useful source for common rheumatic diseases? *Rheumatic Diseases*, 2023, vol. 26, no.7, pp. 1343–1349.
6. Cheng S.-W., Chang C.-W., Chang W.-J., Wang H.-W., Chih-Sung Liang, Taishiro Kishimoto, Pei-Chen Chang J., Kuo J.S., Kuan-Pin Su. The now and future of ChatGPT and GPT in psychiatry. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 2023, vol. 77, Iss. 11, pp. 592–596. DOI: <https://doi.org/10.1111/pcn.13588>.
7. Rahimi F., Abadi A. ChatGPT and publication ethics. *Archives of Medical Research*, 2023, vol. 54, no. 3, pp. 272–274.
8. Ferrara E. Social bot detection in the age of ChatGPT: challenges and opportunities. *First Monday*, 2023, vol. 28, no. 6. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v28i6.13185>.
9. Parker I., Pavon-Cuellar D. *Psikhoanaliz i revolyutsiya: kriticheskaya psikhologiya dlya osvoboditelnykh dvizheniy* [Psychoanalysis and revolution: critical psychology for liberation movements]. Moscow, Gorizont Publ., 2021. 194 p.
10. Sysoev P.V., Filatov E.M. ChatGPT v issledovatel'skoy rabote studentov: zapreshchat ili obuchat? [ChatGPT in the research work of students: prohibit or teach?]. *Bulletin of TSU*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-v-issledovatel'skoy-rabote-studentov-zapreshchat-ili-obuchat> (accessed 4 October 2023).
11. Freud Z. *Ostroumие i ego otnoshenie k bessoznatelnomu* [Wit and its relation to the unconscious]. Moscow, AST Publ., 2006. 480 p.
12. Lorenzo K. *Subektivnost i inakovost* [Subjectivity and otherness]. St. Petersburg, Skifiya-print, 2021. 365 p.
13. Lorenzo K. *Zhelanie i naslazhdenie* [Desire and pleasure]. St. Petersburg, Skifiya -print, 2021. 388 p.
14. Lacan J. *Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza (Seminar: Kniga I (1953/54))* [Freud's works on the technique of psychoanalysis (Seminar, Book I (1953/54))]. Moscow, Gnosis Publ., Logos Publ., 2009. 432 p.
15. Freud Z. Fetishizm [Fetishism]. *Mezhdunarodny institut glubinnoy psikhologii*. Available at: <https://migp.pa.org.ua/stati-zigmund-frejd-fetisizm> (accessed 5 October 2023).
16. Racamier PC. On narcissistic perversion. *International Journal of Psychoanalysis*, 2014, vol. 95, no. 1, pp. 119–132.
17. Foucault M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [To supervise and punish. The Birth of prison]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 383 p.
18. Lacan J. *Etika psikhoanaliza (Seminary: Kniga VII (1959–60))* [Ethics of Psychoanalysis (Seminars: Book VII (1959–60))]. Moscow, Gnosis Publ., Logos Publ., 2006. 416 p.
19. Rokhmaninova M. *Vlast i telo* [Power and body]. Moscow, Radical theory and practice Publ., 2020. 456 p.
20. Nobus D. Locating perversion, dislocating psychoanalysis. *International Journal of Psychoanalysis*, 2017, vol. 3, no. 1. Available at: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/locating-perversion-dislocating-psychoanalysis/#block-1> (accessed 5 October 2023).
21. Lieber E. What are Perversions? *International Journal of Psychoanalysis*, 2017, vol. 3, no. 1. Available at: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/what-are-perversions-emma-lieber/> (accessed: 5 October 2023).
22. Benvenuto S. *Perversii. Seksualnost, etika, psikhoanaliz* [Perversions. Sexuality, ethics, psychoanalysis]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2016. 281 p.
23. Roudinesco E. Some facets of perversion. *International Journal of Psychoanalysis*. Available at: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/some-facets-of-perversion/#block-1> (accessed 5 October 2023).
24. Kel M.R. *Vremya i sobaka. Depressii sovremennosti* [Time and the dog. Depressions of modernity]. Moscow, Gorizont Publ., 2021. 370 p.
25. Zizek S. *Iskusstvo smeshnogo vozvyshennogo. O filme Devida Lincha "Shosse v nikuda"* [The art of the ridiculous sublime about David Lynch's film "Highway to nowhere"]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 168 p.

Information about the authors

Yaroslav A. Sedinin, Master Student, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. comsedinin@gmail.com.

Received: 22.10.2023

Revised: 28.11.2023

Accepted: 28.12.2023